
«ОБЩЕСТВА ПОЗДНЕГО ВРЕМЕНИ» В ПЕРСПЕКТИВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МИЛОСЛАВА ПЕТРУСЕКА

Н.П. Нарбут¹, И. Шубрт²

¹Кафедра социологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

²Кафедра исторической социологии
Факультет гуманитарных исследований
Карлов Университет
У Криже 8, Прага 5, Чехия, 158 00

В статье предпринята предварительная попытка анализа некоторых ключевых идей известного чешского социолога Милослава Петрусек (1936—2012), и, прежде всего, его представлений о специфике новейшего этапа социального развития и формирующихся в конце XX — начале XXI в. очертаний т.н. «обществ позднего времени». Подробно рассматриваются конкретные аспекты позиции Петрусек в дискуссии о релевантных теоретических и понятийных описаниях, используемых в мировой социологии в качестве средств научной интерпретации феноменов современности/постсовременности.

Ключевые слова: М. Петрусек, социология в Чехии, социологические теории модерна и постмодерна, постиндустриальное общество, «текущая современность», информационное общество, «общества знания», симулякры, гиперреальность, радикальный плюрализм, доверие, социальный капитал, глобализация, локализация.

Позиция недавно ушедшего от нас Милослава Петрусек была необычна в контексте чешской социологии, а его яркая личность и оригинальный авторский талант находили отклик и за пределами страны, — прежде всего в России и Польше. Частью богатой библиографии М. Петрусек являются его учебники и курсы лекций [20; 21; 28—30], авторская и редакторская работа при составлении словарей [18; 34; 38]. Из монографий следует отметить книги «Социометрия» [24], «Социология и литература» [23], «Альтернативная социология» [22], «Теория и метод в современной социологии» [27], «Социология, литература и политика» (соавтор — Й. Алан) [11], «Общество и культура» [25].

В этой статье мы хотим обратить внимание на одну из ключевых тем, разрабатывавшихся Петрусек, которую можно обозначить как анализ и «диагноз» современных обществ. Этой проблематике автор посвятил целый ряд публикаций, и прежде всего две фундаментальные книги — «Общества позднего времени» [26] и «Общество нашего времени» (соавтор — Я. Балон) [31].

Петрусек был энциклопедически образованным, ярким и своеобразным интеллектуалом. Он обладал обширными знаниями английской, французской, российской, польской (в несколько меньшей степени немецкой) литературы. Как ученого Петрусек нельзя отнести к какому-либо одному социологическому направлению или школе. Если его мышление и было созвучно определенному идейному тече-

нию — то это был прежде всего постмодернизм, несмотря на то, что он сам относился к нему весьма критически, хорошо представляя присущие ему возможности и ограничения. Петрусек не был автором, которого бы удовлетворила роль сторонника беспристрастной, ценностно-нейтральной социологии. Отличительной чертой его произведений была этическая, моральная составляющая. В этом он схож с Зигмундом Бауманом, к которому, несомненно, был весьма близок.

Книга М. Петрусека «Общества позднего времени» (2006) — это цикл социологических эссе, в которых он стремится ответить на вопрос — в каком обществе мы живем? В работе приводятся более ста определений современных обществ, используемых в социологии и социально-политической литературе, чтобы истолковать их значение и условия, в которых эти дефиниции возникали. В данной связи автор говорит о «буме названий», который появился в социологии и политической науке приблизительно в первой половине 1970-х гг. и который дал старт эпохе «плюрализма определений». Это время, в котором зримо ощущаются изменения и переход «старого», «традиционного», «фордовского» капитализма, «конвейера замолкающего модерна», в капитализм новый, не поддающийся стандартным понятийным описаниям [26. S. 23].

Для обозначения указанного периода социального развития Петрусек избирает название «общества позднего времени», которые заимствует у Яна Паточки и Вацлава Белоградского. Под поздним временем он понимает период, ориентировочно начинающийся с середины 1950-х гг. и характеризующийся следующими основными признаками:

— коренными изменениями в организации производства и переходом к постиндустриальной эпохе как новой форме производства и производственных отношений;

— возникновением новых «жизненных форм» и беспрецедентной плюрализацией стилей жизни;

— формированием новых формул потребительского поведения, ставших возможными с возникновением «общества благоденствия»;

— развитием образования, расширением его доступности, изменением содержания, что способствовало переменам в классовой структуре общества;

— существенным увеличением влияния средств массовой информации;

— вытеснением открытых репрессий как инструмента «поддержания порядка» и их замещением «обольщением», — методами, комбинирующими выполнимые и невыполнимые (но правдоподобные) обещания, стабилизирующие социальную повседневность;

— релятивистской оценкой девиаций и системы социального контроля, значительным изменением ценностных ориентиров, пренебрежением обязанностями и низким уровнем требовательности к соблюдению этических норм;

— возникновением новой «постмодерновой ментальности», проявляющейся в повседневном поведении и обширной культурной продукции;

— взаимовлиянием отличных друг от друга культур, их встреч и столкновением как социальным фактом и предметом идеологического раздора (феномен «мультикультурализма»);

— глобализацией основных экономических, а затем и политических процессов, воплощающихся, с одной стороны, в чрезмерной открытости мира, а, с другой, — в росте «глобальных рисков» и возникновении новых форм социальной дифференциации, новых социальных движений и нового стратификационного устройства [26].

Многогранность перечисленных общественных перемен приводит, согласно Петрусеку, к тому, что в течение последних десятилетий появилось огромное количество «маркированных форм», «ярлыков», «лейблов», стремящихся выразить, описать и объяснить новые формы, в которых проходит жизнь «общества позднего времени». В книге Петрусека мы найдем как места, где встречаются известные и распространенные понятия (индустриальное общество, информационное, капиталистическое, массовое, макдональдизированное, мультикультурное, гражданское, постиндустриальное, постмодерновое, социалистическое, супериндустриальное, секуляризованное и т.д.), так и страницы, посвященные менее влиятельным номинациям (алибиристическое, циничное, шумное, инфантильное, карнавальное, мастурбирующее, пермиссивное, постгероическое, трансгрессивное, запрещающее, лакейское, лудистское, нарциссическое, номадическое, постэмоциональное, постметафизическое, соматическое, толерантное и т.д.). В последующей части статьи мы остановимся прежде всего на тех понятиях, которые в свое время в социологическом мышлении представляли действительно четкие поворотные моменты.

Новая фаза развития

С 1960-х гг. в социологии начинают говорить о том, что развитые западные общества вступили в новую стадию своего развития. Одним из первых это обозначил американский социолог Даниел Белл [4; 13], провозгласивший наступление *постиндустриального общества*. В данном понятии Белл зафиксировал прежде всего изменения в профессиональной структуре — сдвиг производственных сил из аграрного и производственного секторов в сферу обслуживания. Понимание Беллом постиндустриализма шло, однако, дальше — в его представлениях будущее общество было «обществом образования и знания». Белл предполагал, что число профессий, требующих высокой академической и технической квалификации, будет увеличиваться, повысится значение теоретических научных знаний, решающее слово будут иметь эксперты. Если фабрика как место производства материальных ценностей была основным институциональным элементом индустриального общества, то в постиндустриальном решающими институтами станут университеты, так как научная рациональность все сильнее будет оказывать влияние на экономическую, социальную и политическую сферы.

Приход постиндустриального общества возвещали помимо Белла и другие авторы. Збигнев Бжезинский характеризовал его как «технократическое», основанное на соединении техники и электроники, Аллен Турен — как «программированное» (технико-экономически программированное с политически господствующей технократической властью), Элвин Тоффлер — как «супериндустриальное».

Милослав Петрусек констатирует, что теория постиндустриального общества примечательна и как концепция, и как особый подход к новым социальным фактам. Согласно Петрусеку, это отчетливо выраженная макроструктурная теория, которая завершает творчество последних великих социальных теоретиков XX столетия: Т. Парсонса, П. Сорокина и Ж. Гурвича. Более того, теория Белла в целом общепризнанна в качестве весьма значительной социологической теории [26. S. 272].

Белловское понимание постиндустриального общества весьма близко концепции *общества знания*, основателем которой считается Питер Друкер [15]. В 1990-х гг. понятием общества знания занимались, в частности, Нико Штер [35] и Хельмут Вилке [40]; сходный характер имеет и концепция цивилизации «третьей волны» Э. Тоффлера [37].

Идея общества знания тесно связана с понятием *информационного общества*, разработкой которого занимался, например, Ё. Масуда [19] и позже С. Лэш [17]. Сторонники этого подхода подчеркивают, что для сегодняшнего времени типичен сдвиг от промышленной продукции к продукции информационной. Созданием, распространением и оценкой информации занимается все больше людей, а новые коммуникации и информационные технологии создают новое общество. В нем не просто существует огромное количество свободно доступной информации, но и практически все приобретает характер информации и оценивается по принципу — *какая* это информация. Сопутствующим такой ситуации феноменом становится информационный шок, которому сегодня перманентно подвержены все люди.

Информационное общество основано на структуре (сети), которая доставляет информацию; само общество — это своеобразная сеть, которая имеет бесчисленные подключения и находится в постоянном движении. Мануэль Кастельс [9] связывает информационный век с сетями, образующими новые глобальные структуры производства, распределения и управления. Сети ведут к динамическому соединению того, что ценно для доминирующих систем, в то время как в стороне остается ряд областей — «черных дыр» информационного общества, которые обречены на прозябание.

Возможности, которые предоставляют компьютеризация и информационные технологии, во многом ведут к укреплению нашего убеждения в растущей рациональности социального мира (как в целом, так и его отдельных частей). Этим представлениям часто поддается и сама социология, в сущности, имеющая тенденцию рассматривать человека как рационально действующее существо, а общество как рационально функционирующее целое. При этом легко упустить из виду, что продукты новых технологий на самом деле вносят амбивалентный вклад: рядом с рационализацией могут поддерживаться, например, явления, связанные с понятиями манипуляции или инфантилизации. Сегодня речь идет далеко не только о том, что новые медиа могут служить тому, чтобы еще эффективней перенаправлять наше внимание от существенных проблем к второстепенным, прививать нам новые искусственные потребности, а вместе с ними жажду развлечений или, — говоря словами Н. Постмана [32], — желание «веселиться до смерти». Как показывает анализ Жана Бодрийера [5], проблемой сегодня становится вопрос, насколько реален мир, в котором мы живем.

В информационном обществе, согласно Бодрийяру, выдвигаются искусственные образы, благодаря которым то, что есть — материальное, реальное, — сплетается с симуляциями, которым «в реальности» ничего не соответствует. Человечеством овладевают симулякры, искусственные знаки, не только не производные от реальности, но и от каких-либо других знаков. Также говорится о кризисе репрезентации, который вызвало падение традиционных представлений о способности субъекта зеркально отражать реальность и возможности построения истинного образа мира — такого, который «есть в действительности». Электронные медиа преобразовали саму сущность нашей жизни. Телевидение не только представляет мир, но постоянно в большей мере определяет то, каким он является. Симулякры, которые разрастаются как злокачественная опухоль, генерируют, по Бодрийяру, совершенно новый тип реальности, которую он обозначает как *гиперреальность*.

Милослав Петрусек полагает, что информационное общество обременено внутренним противоречием, и полное осознание этого хотя бы частично должно было бы освободить нас из плена иллюзии о «дивном новом мире» информационного века. С одной стороны, бесспорно, что информация является «самым демократическим источником доступа к власти» (Э. Тоффлер). С другой же стороны, благодаря книге Д. Белла мы знаем, что если в недалеком прошлом обществом руководили предприниматели, торговцы, бизнесмены и менеджеры, то затем новыми людьми наступающей эпохи становятся ученые, математики, экономисты и творцы новых технологий. Информационное общество, согласно Петрусеку, может стать типом нового драматически формирующегося классового устройства, которое будет основано на способностях и квалификации овладения новыми информационными технологиями — пассивно как «интеллектуариат» или активно как «новая элита» [26. S. 121—122].

Постмодерн

В 1980 г. значительную популярность завоевала теория, согласно которой модерн сменился *постмодерном*. Ярким представителем мышления постмодерна стал Жан-Франсуа Лиотар, к центральным идеям которого принадлежали тезис о конце «великих нарративов» и мысль о радикальном плюрализме. В свете исторического опыта, полного испытаний, сегодня, согласно Лиотару [10], можно видеть, что проект модерна, легитимировавшийся посредством «нарративов» об эмансипации человечества — в марксистском варианте, говорящем об уничтожении классовой эксплуатации, или в капиталистической версии, обещающей освобождение благодаря техническому и промышленному прогрессу, — провалился. Постмодерн на опыте неосуществимости таких смелых проектов отверг «великую историю» эмансипации, утратившую свою достоверность, и вывел на передний план дифференциацию, разнообразие, гетерогенность вещей и действий.

Лиотар опирается на теорию языковых игр Людвиг Витгенштейна, утверждавшего, что коммуникация осуществляется в рамках различных видов дискурсов (религия, наука, искусство...), — гетерогенных и взаимно «непереводимых». Кроме того, не существует никаких универсальных правил того, какой вид дискурса имел бы преимущество. Речь идет о ситуации *радикального плюрализма*, в котором цель

мыслителей постмодерна — отражать эту гетерогенность и выводить из нее заключения для практического общения и коммуникации. С сознанием нерушимого плюрализма постмодерн связан благодаря Вольфгангу Вельшу. Общество нельзя понять одной единственной моделью — ни научной, ни политической. Постмодерн выступает в пользу «множества» и решительно противостоит всем старым и новым притязаниям на гегемонию [39. S.13].

Милослав Петрусек обращает внимание на то, что ничего такого, как общество постмодерна, не существует. Сами постмодернисты этого словосочетания избегают и более того, ограничиваются констатацией, что необходимо различать постмодернизм как сочетание художественных опытов и переворот в эстетическом восприятии мира, и постмодерн как новое, специфическое состояние духа, переворачивающее и изменяющее стиль жизни, обычаи и системы ценностей [26. S. 289—290].

Петрусек выступает за различение трех понятий.

1. Постмодерн. Понятие относится к исторической (социальной и политической) эпохе, которая сменяет модерн. Здесь речь идет о смене исторических эпох.

2. Постмодернизм. Термин касается продуктов культуры (изобразительного искусства, фильмов, архитектуры и т.п.), которые отличаются от культурных продуктов модерна.

3. Социальные теории постмодерна. Вид социального теоретизирования, который некоторыми признаками отличается от социологических и социальных теорий модерна [26. S. 292].

Постмодерн изменяет модели поведения, обычаи и системы ценностей, радикально вмешивается в общественную жизнь, особенно на уровне повседневности. Его влияние распространяется не только на сферу культуры, которая сама по себе глобальна, но и в значительной степени затрагивает мировоззрение.

С социологической точки зрения интересно прежде всего то, что понятие постмодерна не было только предметом философских размышлений. Оно стало основой теории Рональда Инглхарта [8; 16], полагавшего, что переход от материалистических к постматериалистическим ценностям представляет собой наиболее значимое социальное изменение конца XX в. Исходным пунктом его концепции «постматериализма» является констатация, что высокоразвитые в техническом отношении общества вышли на исторически исключительно высокий уровень благосостояния. В ходе модернизации, с точки зрения ценностей, на передний план выдвинулись жизненная уверенность и промышленный рост. Сейчас, однако, мы являемся свидетелями существенных изменений, которые отодвигают превалявавшие до сих пор материальные ценности на второй план. И даже если значительная часть жителей развитых западных стран все еще ориентирована «традиционно-материалистически», все большее их количество обращается к постматериалистическим ценностям. Эти тенденции можно проследить особенно в тех странах, которые уже прошли успешную модернизацию. Взаимное влияние экономических и культурных факторов ведет здесь к смене ценностных приоритетов, и это вызывает общественные изменения, которые Инглхарт обозначает как «постмодернизацию».

Общество, утрачивающее капитал доверия

Не все авторы в 1980-е гг. приняли концепцию общества постмодерна. Можно привести в пример Э. Гидденса, который в книге «Последствия современности» говорит о радикализованном модерне [7]. Гидденс полагает, что человечество в процессе развития на исходе XX в. очутилось на пороге новой фазы, которую он обозначает как *радикализованный модерн*. Таким способом Гидденс пытается выразить, что современность от модерна в принципе не отходит, а наоборот, радикализирует черты и тенденции, которые с самого начала ему были присущи.

Эквивалентом Гидденсова радикализованного модерна можно считать понятие *другой модери*, который мы находим у Ульриха Бека. Первый модерн представляет «классическое индустриальное общество» XIX столетия, которое в процессе модернизации разложило предыдущее закостенелое аграрное общество. Речь шла о первой (простой) модернизации, которая создала структуры промышленного общества. Изменения проходили как сознательный и одновременно желательный поворот от традиционного общества; им сопутствовала эйфория от всеобщего научно-технического прогресса, обещавшего преодоление материальной нужды. Система координат, в которую были вписаны жизнь и мышление классического индустриального модерна, образовывали оси, представленные семьей, профессией и верой в науку и прогресс.

Если для индустриального общества характерным являлось тесное соединение капитала с рабочей силой, то затем происходит ослабление этой связи. Система занятости, начало которой относится к XIX в., была основана на высоком уровне стандартизации отдельных элементов, какими были контракт, место работы и рабочее время. Эта стандартизированная модель позволяла не только устанавливать границу между работой и «неработой», но и четкий предел между занятостью и безработицей.

В эпоху другого модерна данная система полной занятости утрачивает свою очевидность. Одной из характерных черт общества риска становится «дестандартизация приносящей доход работы» [3]. Речь идет преимущественно о появлении плюралистических форм неполной занятости, в результате чего границы между работой и неработой размываются и становятся проблематичными. По мере флексибилизации трех ключевых элементов (трудового договора, места и времени работы) существовавшая профессиональная система начинает терять четкие контуры.

Не случайно одной из проблем, на которой сосредоточивается интерес социальных исследователей, становится проблема солидарности и сплоченности. Этот вопрос в современной социологии анализируется прежде всего посредством понятий доверия и социального капитала. Для Дж. Коулмена [14] социальный капитал представляет структуру, которая поддерживает появление доверия между отдельными акторами, стимулируя тем самым неформальные отношения и создавая благоприятные условия для кооперации. Американский социолог считает существенной чертой общества модерна то, что общий объем этого капитала уменьшается, в то время как физический капитал (*physical capital*), имеющий форму

созданного материального богатства, увеличивается. Правда, Коулмен указывает на то, что социальный капитал полностью не исчезает. Одной из важнейших сегодняшних проблем он считает вопрос — как вновь обрести утраченный социальный капитал и как его увеличить при случае.

Милослав Петрусек, ссылаясь на Н. Лумана, Э. Гидденса и П. Штомпку, связывает проблему доверия с ростом значения абстрактных систем, которые нам все менее понятны, несмотря на то, что представляют важные реальные объекты и процессы [26. S. 371]. Обобщенное состояние доверия (или недоверчивости) создает в обществе культуру доверия или, наоборот, — культуру недоверия (культуру цинизма). Последняя связана с аномическими процессами — распадом или деформацией социального порядка, ростом оппортунизма, социальной дистанции между людьми, атомизацией, отчуждением и т.п. В обществах, где доминирует культура доверия, преобладает индивидуальное чувство экзистенциальной безопасности: общество предсказуемо, стабильно, прозрачно, а право — ясное и требовательное.

Тезис об уменьшении социального капитала доверия проверяет в своих исследованиях Роберт Патмэн [33] из Гарвардского университета. Он констатирует, что экономка западных стран растет, материальные условия жизни улучшаются, однако общество теряет социальный капитал, созданный посредством сетей межличностных связей и правил взаимного доверия, которые из них вытекают. Люди работают и потребляют намного больше, чем когда-либо раньше. Несомненно, это идет во вред времени, проводимому вместе — при политических или общественных акциях, организованных или спонтанных, или просто у семейного очага.

Тенденция глобализации

Одним из значительных проявлений радикализованного модерна, о котором говорит Гидденс, является «сжатие времени и пространства», вследствие чего мир как бы «уменьшается» — то, что раньше было удалено и недоступно, сегодня близко и доступно. Масштабы глобализации приобретают все большее значение. Мартин Элброу [12] характеризует современное *глобальное время* следующими основными чертами: 1) ухудшением среды обитания; 2) утратой чувства безопасности в связи с рисками, связанными с использованием атомной энергии; 3) новыми средствами коммуникации, возникшими вместе с созданием глобальных сетей, преодолевающими временные и пространственные границы; 4) мировыми торговыми связями.

Существовавшие тенденции вроде бы подтверждали мнение Маршалла Маклюэна, который еще в 1960-е гг. предвидел превращение мира в *глобальную деревню*. Маклюэн делал такой вывод в связи с развитием средств массовой коммуникации. Однако действительным мотором глобализационных изменений является, несомненно, экономическая глобализация. Так, И. Валлерстайн [6] говорит о мировой капиталистической системе, представляющей радикализацию развития, которая до недавнего времени обозначалась как *интернационализация мировой экономики*. Характерной чертой этого развития является то, что экономическая мощь сосредоточивается в руках мощнейших наднациональных общностей, еже-

годный оборот которых превосходит валовой объем продукции многих национальных экономик. Их власть в ряде случаев выходит из-под влияния правительств отдельных государств. Более того, происходит глобализация финансовых рынков и развитие «экономики казино», дающей возможность финансовым спекулянтам перемещать в рамках глобальной экономики огромные финансовые средства [36]. Представители этой новой элиты фактически освобождены от обязательств к определенным местам и людям — сегодня они здесь, а завтра могут быть в другом месте. Ульрих Бек [3] в данной связи указывает на то, что одним из последствий этого процесса является перемещение государства и политики на второстепенное место.

Зигмунт Бауман констатирует, что глобализация не только связывает, но и разъединяет. Параллельно развивающимся в планетарных масштабах торговле, финансам и информационным потокам приходит в движение процесс «локализации», привязанный к определенному месту. Речь идет о двух тесно связанных между собой тенденциях, которые остро дифференцируют условия существования больших групп людей, и даже всего населения [1]. Этот процесс характеризуется как победами, так и поражениями. Современная глобальная элита, согласно Бауману, способна властвовать, «не обременяя себя обязанностями администрирования, управления, социального обеспечения», а также «миссией «просвещения», «реформирования», повышения нравственности и культурных крестовых походов» [2. С. 20]. Активное включение в жизнь подчиненных народов уже не является необходимым; наоборот, глобальная элита активно этому сопротивляется как совершенно напрасному и неэффективному.

Милослав Петрусек работает с понятием «интернационального» (международного) общества, которое полностью не совпадает с понятием глобализации и указывает на некоторые специфические аспекты исследуемой проблемы [26. S. 123]. Его значение заключается в том, что социология до последнего времени обычно «работала» в рамках национальных государств, языковых общностей и национальных исследовательских школ. В современном глобализованном мире имеются общества, представленные национальными государствами, — если еще не интегрированными, но решительно взаимно связанными между собой. Всего около ста лет назад взаимные отношения между странами были относительно маргинальными, доминировала существенная мера автохтонности и одновременно высокая мера «незнания внешнего мира». Сегодняшний мир коммуникационно соединен, дипломатически и хозяйственно связан в неделимое целое. Более того, мир технически и идейно становится все более гомогенным, унифицированным в развлечениях, моде, спорте и целом ряде других областей. Сознание взаимосвязи усиливается также массовым туризмом, постоянными связями с ранее чужеродными культурами, мелкими обменов и массивными торговыми транзакциями.

Таким образом, согласно Петрусеку, интернациональное общество — это:

- сфера встречи идей и людей (а не только королей, династий, вождей);

- общество без ясных границ, которые устанавливали бы, где в этом пространстве происходят встречи;

- лояльность здесь переходит от национального сообщества на более высокий уровень;
- создается новый образ врага — отличный от прежнего, типичного для национально сформулированных идеологий;
- изменяется характер альянсов и союзов;
- вместе с экономическими связями растет роль науки и техники [26. S. 124].

Индивидуум, ищущий смысл

Зигмунт Бауман изображает контраст предшествующего и современного типов модерна с помощью понятий «тяжелой» и «легкой» современности. Первая отличалась тем, что ее величие символизировалось мощью и прогрессом. «Это была... эпоха тяжелых и громоздких машин, длинных фабричных стен, окружавших просторные фабричные цеха и „проглатывающих“ многочисленные фабричные бригады, массивных локомотивов и гигантских океанских лайнеров» [2. С. 124]. «Это была эра чертежных досок и проектов... которая надеялась узаконить разум в действительности...» [2. С. 56].

Многое изменилось с наступлением нового капитализма, который Бауман обозначает как легкую, жидкую, текучую современность. Для выражения характера современной эпохи Бауман считает наиболее удачной метафору жидкости или текучести, т.к. образцы общественных и производственных отношений теряют сегодня свою твердую форму и переходят в состояние текучести, податливости и изменчивости. Их характер сходен с характером жидкости, которая в отличие от твердых материй не может удержать свою форму, — ее нелегко остановить; препятствия, которые ей ставят на пути, она обтекает, уносит с собой, растворяет или перескакивает.

К характерным чертам текучей современности принадлежат: отрицание всех ограничений для индивидуальной свободы выбора и поведения, дерегуляция, либерализация и флексибилизация. Уходят в прошлое иллюзии времен ранней современности: вера в то, что есть конец дороги, конкретная цель исторического изменения, состояние совершенства, которое будет достигнуто завтра, в следующем году или следующем тысячелетии, — некое хорошее общество, справедливое и бесконфликтное [2. С. 36]. И, наконец, утрачивается представление о коллективных способностях и достоинствах человеческого вида и человеческого разума. То, что раньше считалось целью общественного агрегата, сейчас раздроблено, индивидуализировано и уступает место усилиям отдельных лиц.

Проблема, перед которой стоит сегодня человек, согласно Петрусеку, заключается в следующем: как найти в постоянно усложняющемся, становящемся все более дифференцированным и фрагментаризованным обществе некий смысл для себя и своей жизни [26. S. 100]. Человеческий индивид чувствует потребность найти этот смысл по нескольким причинам (оставим в стороне трансцендентные доводы, которые превосходят компетенцию социологии):

- потребность цели. Какая-то часть нашей жизни должна быть главной и центральной, даже если речь не идет о цели возвышенной, патриотической или героической;

— потребность ценностей. Человек хочет знать, является ли его поведение хорошим или плохим, правильным или нет;

— потребность эффективности. Люди стремятся к тому, чтобы после себя оставить пусть самый малый след; хотят влиять на ту часть мира, на которую могут, т.к. беспомощность — одно из худших состояний человека;

— потребность самоуважения. Она связана с осознанием, что мы в обществе и ее структуре соразмерны и состоятельны [26. S. 101].

Если возникает ситуация, в которой человеческий индивид лишается смысла жизни, это влечет за собой далеко идущие последствия. Поэтому Петрусек, вслед за австрийским психиатром Виктором Франклом, призывает людей стремиться к обретению смысла жизни и его сознательному формированию. Прибавим, что литературное творчество Милослава Петрусека можно понимать, кроме всего прочего, и как путь к открытию, формулировке и укреплению такого смысла при помощи социологических подходов. Очевидно, в этом отношении книги Петрусека будут актуальны еще очень долгое время.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. — М.: Издательство «Весь Мир», 2004.
- [2] *Бауман З.* Текучая современность. — СПб.: Питер, 2000.
- [3] *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- [4] *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. — М.: Академия, 1999.
- [5] *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. — М.: Добросвет, 2000.
- [6] *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. — СПб.: Университетская книга, 2001.
- [7] *Гидденс Э.* Последствия современности. — М.: Праксис, 2011.
- [8] *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. — М.: Новое Издательство, 2011.
- [9] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
- [10] *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. — СПб.: Алетейя, 1998.
- [11] *Alan J., Petrusek M.* Sociologie, literatura a politika. — Praha: Karolinum, 1996.
- [12] *Albrow M.* Abschied vom Nationalstaat: Staat und Gesellschaft im Globalen Zeitalter. — Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1998.
- [13] *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. — N.Y.: Basic Books, 1976.
- [14] *Coleman J.S.* Foundations of Social Theory. — Cambridge (MA.): The Belknap Press of Harvard University Press, 1994.
- [15] *Drucker P.* The Age of Discontinuity: Guidelines to Our Changing Society. — N.Y.: Harper & Row, 1969.
- [16] *Inglehart R.* Modernisierung und Postmodernisierung: Kultureller, wirtschaftlicher und politischer Wandel in 43 Gesellschaften. — Frankfurt a. M. — N.Y.: Campus, 1998.
- [17] *Lash S.* Economies of Signs and Space. — L.: Sage, 1994.
- [18] *Malý sociologický slovník.* — Praha: Svoboda, 1970.
- [19] *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. — Washington (D.C.): World Future Society, 1981.
- [20] *Petrusek M.* (Ed.). Sociologie. — Praha: SPN, 1991.

- [21] *Petrusek M. a kol. Dějiny sociologie.* — Praha: Grada, 2011.
- [22] *Petrusek M. Alternativní sociologie.* — Praha: KOS, 1992.
- [23] *Petrusek M. Sociologie a literatura.* — Praha: Čs. Spisovatel, 1990.
- [24] *Petrusek M. Sociometrie: teorie, metoda, techniky.* — Praha: Svoboda, 1969.
- [25] *Petrusek M. Společnost a kultura: Sociologické úvahy a eseje.* — Praha: Vize 97, 2012.
- [26] *Petrusek M. Společnosti pozdní doby.* — Praha: Sociologické nakladatelství, 2006.
- [27] *Petrusek M. Teorie a metoda v moderní sociologii.* — Praha: Karolinum, 1993.
- [28] *Petrusek M. Úvod do obecné sociologie.* — Ostrava: VŽKG, 1986.
- [29] *Petrusek M. Úvod do studia sociologie.* — Praha: SNP, 1978.
- [30] *Petrusek M. Základy sociologie.* — Praha: Akademie veřejné správy, 2009.
- [31] *Petrusek M., Balon J. Společnost naší doby.* — Praha: Academia, 2011.
- [32] *Postman N. Ubavit se k smrti: Veřejná komunikace ve věku zábavy.* — Praha: Mladá fronta, 1999.
- [33] *Putman R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community.* — N.Y.: Simon & Schuster, 2000.
- [34] *Sociologické školy, směry, paradigmatata.* — Praha: Sociologické nakladatelství, 1994.
- [35] *Stehr N. Knowledge Societies.* — L.: Sage, 1994.
- [36] *Strange S. Casino Capitalism.* — Oxford: Blackwell, 1986.
- [37] *Toffler A., Toffler H. Creating a New Civilization. The Politics of the Third Wave.* — Atlanta: Turner Publishing, 1995.
- [38] *Velký sociologický slovník. I—II.* — Praha: Karolinum, 1996.
- [39] *Welsch W. Naše postmoderní moderna.* — Praha: Zvon, 1994.
- [40] *Willke H. Supervision des Staates.* — Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1997.

«SOCIETIES OF THE LATEST TIMES» IN THE PERSPECTIVE OF MILOSLAV PETRUSEK'S SOCIOLOGICAL ANALYSIS

N.P. Narbut¹, J. Šubrt²

¹Chair of Sociology
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklai str., 10/1, Moscow, Russia, 117198

²Faculty of the Humanities
Charles University
U Kříže 8, Prague 5, Czech Republic, 158 00

The article makes a preliminary attempt to analyze some key ideas of famous Czech sociologist Miloslav Petrusek (1936—2012), and, first of all, his ideas of the specific nature of the latest stage of social development and shaping of the so-called 'societies of the latest times' coming into being at the turn of the XXI century. The author examines in detail some concrete aspects of Petrusek's views in the discussion on the relevant theoretical and conceptual descriptions, used in the world sociology as means of scientific interpretation of the phenomena of modernity/post-modernity.

Key words: M. Petrusek, sociology in the Czech Republic, sociological theories of modernity and post-modernity, post-industrial society, 'flowing modernity', information society, 'societies of knowledge', simulacres, hyper-reality, radical pluralism, trust, social capital, globalization, localization.